Мира Лиорская

Моё приданое

Наследство первых невест

Книга третья

Мира Лиорская

Моё приданое. Наследство первых невест

«Автор»
2026

Лиорская М.

Моё приданое. Наследство первых невест / М. Лиорская — «Автор», 2026

Лиана и Дарен отправляются в Ильмовый Брод, чтобы узнать, кем была Лета Бор — женщина, оставившая странное свидетельство и долю старого Дома.Но в Доме давно живут другие люди. Здесь пекут хлеб, работают и растят детей. Наследнице нужны деньги на собственную мастерскую. Распорядительница пытается сохранить жильё для шестнадцати человек. Строитель ждёт плату за выполненную работу. У каждого есть своя правда, и старые бумаги не обещают удобного ответа.Пока Лиана разбирается в судьбах первых невест, зимняя сырость добирается до перекрытий. Теперь мало понять, кому что принадлежит: нужно решить, что удастся сохранить и кто за это заплатит.Дарен рядом. Только супругам пора найти в общей жизни место и для собственных желаний.

© Лиорская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ответное письмо 6
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Моё приданое. Наследство первых невест

Глава 1. Ответное письмо

Письмо Севрины принесли в тот момент, когда я держала в зубах конец обычной белой нитки. Прочесть имя на конверте я могла. Ответить на вопрос, куда его положить, — уже нет.

Марта подождала, поглядела на мои занятые руки и поставила письмо под пустую чашку. Чашку пришлось убрать: на дне оставался ободок чая.

— На книгу, — сказала я, выпустив нитку. — Только не на раскрытую.

— Я поняла.

По её голосу было слышно, что поняла она раньше меня. Мне всё ещё случалось давать второе распоряжение человеку, который уже исполнил первое.

На раме передо мной лежал воротник от зимнего плаща. Хозяйка просила сохранить старую застёжку: серебряная бабочка была подарком сестры. Воротник пережил бабочку. На нём сменили подкладку, подпороли край, а пуговичную петлю укрепили так старательно, что плащ теперь тянул женщину за горло. Приходилось вынимать лишнее, не трогая основного плетения. Магии в нём было ровно столько, чтобы шерсть медленнее промокала у шеи. Удержать тепло без подкладки она не могла, хотя хозяйка плаща трижды просила попробовать.

Я поддела тупой иглой последний стежок. Рука устала; указательный палец стал негнущимся и чужим. Переложила его на опору и подождала.

Марта тем временем проверяла снятую петлю на дешёвом сукне. Сперва потянула прямо, затем наискось. На втором движении край повело.

— Покажете ей вот так, — сказала я. — Иначе решит, что мы нарочно расшатали застёжку.

— Вера уже показала вчера. На её собственном плаще.

Я посмотрела на ученицу.

— И?

— Она сказала, что у сестры петля держалась лучше.

— У сестры была другая шея?

Марта прыснула, потом прижала губы. Я вспомнила, что при заказчицах такие вопросы лучше не задавать.

За окном снег лежал только с северной стороны ограды. К полудню там тоже должны были показаться чёрные мокрые полосы. Дом отапливали обычными печами, и в мастерской к утру остывал дальний угол. Мы передвинули стол ближе к внутренней стене. При боковом свете пришлось поставить маленькое зеркало, зато локти больше не мёрзли. Эльза сперва возражала против зеркала: оно было из гостевой и числилось за другим помещением. Теперь на обороте висела её записка о переносе, и всякий раз, поворачивая раму, я задевала завязку.

Письмо под чашкой не двигалось. Пять дней назад я отправила короткий запрос о Лете Бор и отдельном свидетельстве, которое нам показал Ефим. За эти дни успела дважды решить, что ответ, вероятно, будет скучным, и один раз — что его вообще не будет до конца зимы. Теперь я хотела дочитать работу прежде, чем вскрыть конверт. Это желание продержалось до следующего стежка.

— Положите воротник ровно, — попросила я Марту. — На сегодня с меня довольно.

— С петлёй или совсем?

— С петлёй. Совсем я пока не научилась.

Конверт был запечатан обычным воском. На нижнем крае стояла отметка городской почты, сбоку — время приёма, поверх которого расплылась капля. Я раскрыла его ножом для бумаги и прежде всего нашла глазами номер. Начало совпадало с моей записью. Окончание — тоже. Я всё равно достала лист из рабочей книги и положила рядом.

Севрина писала коротко. Место хранения установлено по старой передаточной описи. Пакет числится в Ильмовом Броде, в учётном собрании Дома у двух лестниц. Нынешнему хранителю направлено извещение. Мне разрешён осмотр наружного состояния и перечисленных в приложении частей — в присутствии хранителя, без изъятия, без отделения скреплений. Дальнейшие выписки с личных листов потребуют согласия лиц, отвечающих за соответствующую часть собрания.

Под этим, уже менее служебно, было добавлено: «Прошу различать право видеть свидетельство и право распоряжаться тем, о чём оно свидетельствует».

Я перечитала фразу. Севрина слишком хорошо знала людей, которые, найдя нужную бумагу, начинали мысленно двигать вместе с ней чужие дома.

В приложении значились три листа, матерчатый заверенный край и поздняя опись поступления. Формула, выписанная из отдельного свидетельства Ефимовой коллекции, отсылала к первому листу. Имя Леты Бор находилось в двух разных местах. Один раз — рядом с правом отдельного прекращения, другой — в перечне долей строения.

Эти две строки я прочла особенно медленно.

Марта ждала моего объяснения. Я видела это по тому, как она разгладила сукно, хотя на нём уже не оставалось складок.

— Нашли? — наконец спросила она.

— Где лежит. Пока только это.

— Но имя то же?

— Имя то же.

Она наклонилась ближе, и я повернула к ней приложение. Не письмо целиком: внизу были ещё фамилия нынешней заявительницы и её обратный адрес.

— Здесь написано, что Лета могла прекратить свою ветвь. А здесь — что у неё была часть дома. Надо узнать, относятся ли эти записи к одному времени.

— Если не к одному?

— Тогда мы станем искать разницу, а не сразу виноватого.

Марта кивнула и вернулась к воротнику. Через минуту подняла голову:

— Значит, вы поедете?

— Я этого ещё не сказала.

— Вы уже подложили под письмо чистый лист.

Я посмотрела на стол. Действительно подложила.

* * *

Дарен нашёл меня в малой гостиной. Я устроилась на широком подоконнике, в том месте, где из щели под рамой не тянуло на поясницу, и пыталась разобрать позднюю опись. У Севрины был хороший почерк, но переписчик в приложении считал, что некоторые буквы всем известны и потому писать их необязательно.

— Если это опять мой портрет, я прошу оставить подбородок, — сказал Дарен от двери.

— Сегодня вы можете не позировать.

— Звучит как начало неприятного разговора.

Он сел на диван, поставил трость под руку. Я перебралась к нему с листами. Дарен сперва прочёл письмо, затем приложение, потом перевернул его, словно на обороте могло найтись что-нибудь про дорогу.

— Ильмовый Брод, — произнёс он. — От Мерена по восточной дороге. Мы возили оттуда доски ещё при отце. Давно.

— Далеко?

— От города тридцать шесть вёрст. Если мост не разбирали и дорога идёт там же.

Он не стал показывать мне путь по памяти. Попросил принести карту из кабинета, а когда лакей вышел, подвинул к себе подушку и чуть вытянул ногу. Эти маленькие движения я замечала прежде всяких слов об усталости.

Я раскрыла письмо ещё раз.

— Здесь есть наследница. Ренна Бор. Она прислала заявление о доле дома, и при проверке подняли тот же пакет. Севрина переслала её просьбу о встрече. Ренна сейчас в Мерене. Может приехать сюда завтра, если мы согласны.

— Она знает, кто вы?

— Реставратор, осматривавший другое свидетельство. Ей не обещали, что я докажу её право.

— Хорошо.

Меня кольнуло это короткое слово.

— Что хорошо?

— Что не обещали.

Я посмотрела на край приложения. В Мирином деле мне пришлось учиться различать то, что я видела, и то, что слишком рано решила. Теперь муж мог напомнить об этом одним словом, даже если говорил о чём-то другом. Дарен заметил мой взгляд.

— Лиана, я сейчас не о вашем заключении. Я о женщине, которая приедет ждать от вас дом.

— Дом ей принадлежит не потому, что я что-то скажу.

— Именно. Но нам обоим знакомо удовольствие услышать от мастера, что всё поправимо.

Я хотела возразить и вместо этого отдала ему второй лист.

В заявлении Ренны не было ни слова о восстановлении доброго имени рода. Она просила определить объём причитающейся доли, порядок доступа к основанию и возможность расчёта. Сумма не стояла. Было указано, что нынешние пользователи Дома оспаривают возможность отдельного распоряжения, ссылаясь на общность хранения.

Дарен провёл пальцем по этой строке.

— Хранения чего?

— Не знаю.

— Вот это и спросим.

Принесли карту. Она оказалась старше, чем я надеялась: на сгибе Мерен разделился на две половины. Дарен поставил рядом чашку, но не на бумагу, и нашёл восточную дорогу. В двух местах на ней стояли мелкие крестики.

— Переправы, — сказал он. — Эта весенняя. Сейчас едут по мосту ниже. Надо узнать у перевозчика, а не верить картинке.

— Вы говорите так, будто решили ехать.

— Я хотел бы.

Он поднял голову. На меня он смотрел открыто, без приготовленной улыбки, которой иногда смягчал неприятное.

— Не потому, что вам нужен надзор. Мне интересно, как устроен этот Дом. У мельницы каждый новый расход сначала кажется единственным. Потом выясняется, что один и тот же настил поддерживает три разных дела, а платить за него никто не хочет. Если они спорят о строении, я смогу хотя бы понять их счёт.

— Вы ещё не знаете, есть ли там счёт.

— Нет. Но в доме почти всегда находится.

Мы улыбнулись. Потом он добавил:

— И мне хочется поехать с вами. С ночлегом в Мерене. Без попытки доказать, что я выдержу всё за день.

Я коснулась его запястья. Кожа была тёплой. Ещё недавно я искала там прежде всего пульс; теперь приходилось отучать руку от лишних проверок.

— Я бы хотела, чтобы вы поехали. Но не хочу узнать на второй остановке, что вы согласились из вежливости к моему любопытству.

— Тогда придётся вам поверить моему собственному.

Он перевернул мою ладонь и посмотрел, не осталось ли в складке нитки. Осталась. Дарен снял её большим пальцем, поднёс к свету и положил на стол, как важную улику.

— Обыкновенная, — сказала я.

— Тем лучше. Сколько нам нужно времени?

На этот вопрос ответа не было. День дороги до города, потом ещё день. Осмотр мог занять несколько часов, но путь ради нескольких часов сам по себе казался чрезмерным. Я уже начала мысленно добавлять второе исследование, третье, выписки из местной книги — и остановилась.

— Сначала договоримся о первом посещении. Если понадобится остаться, решим на месте, с известной ценой.

Дарен устроился удобнее.

— Эльза сейчас спросит, сколько значит «если» в марках.

— А Вера — когда я вернусь.

— Значит, прежде чем звать наследницу, лучше подготовиться.

Он взял карандаш левой рукой, поточил его над блюдцем и начертил две строки. Дорога. Отсутствие. Во второй места оказалось больше.

Мы сидели рядом до обеда. В конце листа стоял предел дорожных расходов, который мы могли выделить из личных денег: четырнадцать марок на двоих. Если дорога и проживание потребуют больше, сначала придётся пересмотреть срок, а не просто попросить Эльзу найти деньги в хозяйстве. Работу я собиралась оплачивать отдельно и не обещать бесконечный осмотр за благодарность.

Решение ещё не было принято, но карта уже лежала между нашими коленями, и Дарен придерживал её край, чтобы он не сворачивался. Я заметила, как сильно хочу запомнить эту нелепую карту. Не потому, что впереди непременно ждало что-то значительное. Просто муж больше не сидел в комнате, ожидая, когда я принесу весть о его собственном теле.

* * *

Вера приехала после полудня с заказной книгой и совершенно без желания обсуждать чужое наследство.

Она внесла книгу в мастерскую, сняла мокрые перчатки и разложила передо мной три полосы ткани. На одной был недоделанный край, на второй — мелом отмеченные складки, на третьей красовалось пятно, похожее на раздавленную сливу.

— Это не мы, — сказала Вера, указывая на пятно. — Но госпожа уверена, что до нас было меньше.

— А было?

— До нас плащ был сложен пятном внутрь.

Марта потянулась к полосе и остановилась. Вера заметила.

— Руками можно. Она просила проверить, уйдёт ли. Только не той щёткой, которой шерсть.

Они вдвоём занялись пятном, и несколько минут я слушала разговор о куда более насущной вещи, чем старые свидетельства. Вера заказчице не обещала вывести краситель. Приняла оплату за пробу на скрытом участке и назвала срок, в который та сможет получить либо восстановленный край, либо точный отказ от дальнейшей работы. Всё это она сделала без моего разрешения. Неприятное маленькое движение внутри меня возникло прежде гордости.

Я открыла книгу на нужной странице. Вера не торопилась объяснять почерк.

— Я не проверяю вас, — сказала я.

— Я ещё ничего не спросила.

Вот поэтому с ней было удобно работать и иногда трудно разговаривать.

Я закрыла книгу.

— Возможно, мне придётся уехать. В Ильмовый Брод.

— Надолго?

— Пока не решено. На дорогу четыре дня туда и обратно. Осмотр — отдельно.

Вера вытерла пальцы полотняной салфеткой.

— Тогда скажите, какие вещи вы возьмёте до отъезда. Не обещайте привезти готовыми обратно. У меня уже две заказчицы ждут вас в городе, хотя вы им ничего не назначали.

— С какими вещами?

— Одной хочется, чтобы вы просто посмотрели. У второй рукав. Я могу посмотреть сама, но ей приятнее заплатить за вашу занятость.

— Скажите, что до моего возвращения обычные осмотры ведёте вы.

— Я сказала. Она ответила, что подождёт. Поставлю после возвращения, когда будет день.

Я согласилась. Издалека делегирование выглядело как торжественная передача ключа. Вблизи — как необходимость перестать отнимать у Веры разговор, который она уже закончила.

Мы разобрали три заказа. Праздничный пояс можно было оставить Норе на её ближайший приезд, но только если она согласится с оплатой и сроком. Марта могла подготовить подкладку воротника; застёжку проверит Вера. Сложный старый покров я решила не брать до поездки: иначе женщина будет ждать обещания раньше, чем я увижу ткань целиком.

— А мои занятия? — спросила Марта.

— Завтра проведём здесь. Потом до возвращения новые действующие вещи не разбираете. На обычных образцах — по записи Норы. За обучение и помощь платим как условились.

Марта прикусила губу. Она хотела услышать что-то другое.

— Вы надеялись поехать?

— Нет. Я думала… Если там старое собрание…

— Мне самой ещё не разрешили смотреть всё собрание. Только один пакет.

— Поняла.

Я узнала в её голосе своё собственное утреннее разочарование. Хотелось сразу найти способ сделать его полезным, поручить ученице важную подготовку и тем вернуть ей радость. Но она имела право немного посердиться на скучные образцы.

Вера сама спросила, какой материал понадобится для дороги. Я выбрала чистые костяные инструменты, складную опору, увеличительное стекло и несколько нейтральных подложек. Не стала брать серебряную нить: разрешённый осмотр не требовал вмешательства. Марта записала это отдельно.

— А если на месте попросят? — спросила она.

— Тогда я сперва выясню, кто просит и что именно разрешено. Отсутствующая катушка иногда очень хорошо помогает не торопиться.

Вера посмотрела на меня поверх книги, но замечания оставила при себе.

Когда с заказами было кончено, она попросила разрешить одну перемену в мастерской на Белильной: переставить широкий стол, потому что зимой у окна становилось тесно, а Рута больше работала сидя. Я начала объяснять, где тогда окажется рама для длинных вещей. Вера подождала, пока я договорю, и нарисовала маленький план. Рама уже была на нём.

— Переставляйте, — сказала я. — Только тяжёлое пусть несут вдвоём, за отдельную плату.

Она вписала расход. Этот короткий росчерк сделал мой отъезд возможнее, чем карта Дарена.

После её ухода я отнесла письмо Севрины в кабинет. На столе мужа лежала бумага Ивена с расходом на мельничный настил. Рядом стояло блюдце с карандашной стружкой. Дарена в комнате не было. Я посидела на краю свободного стула, посмотрела на две несмешанные стопки и впервые за день представила, как дом обойдётся без нас. Не идеально. С обычными спорами, опозданиями и решениями, которые примут раньше нашего возвращения.

Снаружи у крыльца коротко стукнули колёса. Я подняла голову, но это привезли дрова.

* * *

Эльза явилась к вечернему чаю с таким лицом, что я отодвинула сахарницу и освободила место на столе.

— Не для этого, — сказала она. — Деньги на чай у нас пока есть.

Дарен закашлялся в кулак. Я решила, что это смех, и надеялась, что правильно.

Управляющая принесла не смету путешествия, а список того, о чём нам следовало договориться до него. Ивен оставался старшим по мельнице, она — по дому. Для непредвиденного ремонта требовался предел суммы, после которого они будут писать; для жалованья никакого ожидания письма не предусматривалось. Если мы задержимся, закрытое крыло всё равно не начнут отапливать ради одного нашего позднего приезда.

— У меня нет такого намерения, — сказал Дарен.

— Хорошо. У людей иногда появляются намерения по дороге.

Она положила перед ним лист, и он прочёл его целиком. Я отвела глаза от привычки вмешаться с первым вопросом. Речь шла о его полномочиях, а Эльза прекрасно знала, какие мои подписи нужны для мастерской.

Когда они договорились, управляющая повернулась ко мне.

— Вы будете получать почту в доме, где работаете, или на постоялом дворе?

Я не знала даже, где будем жить.

— Значит, первый адрес — до востребования у держателя почты, — сказала она. — Точный пришлёте, когда поселитесь. Одним письмом для всех, чтобы не гонять три листа по одной дороге.

— Нора может остаться на ночь в день занятий, — сказала я. — Если погода испортится.

— Её комната готова. Я уже спрашивала.

Эльза сообщила это без упрёка. Мне стало легче и немного стыдно, что прежде я принимала всякую подготовленность за молчаливый суд надо мной.

Дарен налил ей чаю. Она села только после того, как убедилась, что ещё один лист ему не понадобится.

— Лекарь велел вам останавливаться, — сказала она. — И не только лошадей кормить.

— Я помню.

— Возчик может не помнить. Запишите в наём.

Это было дельнее, чем мой будущий взгляд на побелевшее лицо мужа. Дарен взял карандаш.

Я рассказала, зачем мы думаем ехать. Эльза выслушала имя Леты, остановилась на нынешнем Доме.

— Кто там живёт?

— Пока не знаем.

— И кому они платят?

— Тоже.

— Тогда наследница уже приехала туда раньше вас?

— Она приезжала. Теперь в Мерене. Завтра встретимся.

— Понятно.

Дарен посмотрел на меня: я впервые произнесла встречу как назначенную. Пришлось признать это вслух.

— Если вы согласны, я отправлю ответ Ренне с утренней почтой. Ей нужно знать до выезда.

— Я согласен, — сказал он. — С разговором. Не с обещанием уладить наследство.

Эльза подняла чашку, скрыв рот. Мне показалось, что она опять улыбается, но проверять я не стала.

После чая я написала два коротких письма. В первом согласилась принять Ренну после полудня и пояснила, что встреча не заменяет заключения. Во втором попросила у городского перевозчика сведения о дороге, цене и ночлеге. Дарен добавил условия остановок собственной рукой. Листы отправлялись вместе с утренним возом; до Мерена он должен был дойти раньше, чем Ренна соберётся выехать. Если не успеет, встреча сдвинется. Ради неё никто не собирался гнать человека ночью по мокрой дороге.

Я уже приготовила третий лист, чтобы ответить Севрине, когда Дарен забрал у меня перо.

— Мы ещё не знаем, что ей написать о сроке.

— Можно поблагодарить.

— Можно завтра.

Он отнёс перо в чернильницу, а не спрятал, и протянул мне руку. Такой простой способ закончить работу всё ещё казался подозрительно лёгким. Я приняла руку и встала.

В коридоре было прохладно. Мы шли медленно, потому что после длинного сидения Дарену требовалось расходиться. У двери малой гостиной он вдруг остановился.

— Я не хочу, чтобы Ильмовый Брод занял нашу весну, — сказал он.

Я обернулась.

— До весны ещё далеко.

— Поэтому говорю сейчас. Позже окажется, что мы всем нужны, что нельзя бросить начатое, что там осталось совсем немного. И поездка, которую мы хотели сами, опять станет чем-то несерьёзным.

Я почувствовала сопротивление прежде, чем нашла ответ. В его голосе не было запрета, но чужая будущая нужда уже словно смотрела на меня из пустого коридора.

— Я пока не обещала им зимовать.

— Я знаю.

Он подождал. Это ожидание иногда бывало труднее спора: мне приходилось самой расслышать сказанное.

— Давайте после первого осмотра решим, нужен ли я там дальше, — сказала я и тут же исправилась: — Нужны ли мы. И сколько времени мы готовы отдать. Не будем считать согласие на дорогу согласием на всё.

Дарен сжал мои пальцы, осторожно, не задевая больные.

— С этим я поеду гораздо охотнее.

В гостиной я сняла с кресла шаль, устроила ему подушку и оставила соседнее место себе. Он дотянулся до колокольчика.

— Не надо, — сказала я. — Мне удобно.

— Я собирался попросить хлеба. Вы опять забыли поужинать, пока договаривались с миром.

— Ещё не со всем.

— Хлеба как раз хватит до следующей части.

Я рассмеялась. Он позвонил, и немного погодя нам принесли ломти ещё тёплого хлеба, масло и оставшееся от обеда печёное яблоко. Нож с деревянной рукояткой оказался тупым. Дарен долго делил яблоко на равные части, потом посмотрел на результат и без единого слова отдал мне большую.

На столике не было ни карты, ни печатей. Мы ели, прижимаясь плечами, и спорили, стоит ли ехать весной к озёрам, если там непременно будут комары. Дарен уверял, что комары не причина лишать себя озера. Я обещала записать это и предъявить ему на месте.

Позднее, возвращаясь за забытым письмом, я остановилась в дверях кабинета. На верхнем листе по-прежнему стояло имя женщины, которой я не знала. Ниже — место, где хранилось её свидетельство, чужой дом и разрешение посмотреть определённые вещи. Этого хватало, чтобы отправиться в путь. Остальное мне ещё предстояло спросить у тех, кто жил там сейчас.

Я погасила лампу и ушла к мужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.